

Встречи, беседы, интервью

НА ЗИГЗАГАХ ИСТОРИИ И НАУКИ

Интервью с Ольгой Александровной Лежневой

От редакции

Ольга Александровна Лежнева — один из самых заслуженных сотрудников ИИЕТ РАН, замечательный историк физики — более 50 лет самоотверженного научного труда в нашей области, более 100 научных публикаций. Специалистам хорошо известны ее работы по истории развития физики в России и СССР, истории электродинамики XVIII—XIX вв. Она неоднократно выступала на Международных конгрессах, где ее сообщения всегда вызывали живой, неподдельный интерес. Свыше 20 лет под руководством О. А. Лежневой готовились и издавались обстоятельные библиографические указатели по истории естествознания (общий объем — более 500 авт. л.).

17 марта 1998 г. ИИЕТ отмечал ее юбилейный день рождения: Ольге Александровне исполнилось 80 лет. Предлагаем вниманию читателей беседу с О. А. Лежневой, которая состоялась 11 марта 1998 г. у нее дома. Вопросы задавали Вл. П. Визгин (В. П.) и С. С. Илизаров (С. С.). В расшифровке звукозаписи принимали участие О. А. Валькова и О. В. Севастьянова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СКРЫВАЛА, ЧТОБЫ НЕ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛИ...»

С. С.: Ольга Александровна, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье, откуда Ваши корни?

Родилась в Москве, но корни донские. Родители наполовину казаки. Один дед — народный учитель, русский, другой — казак, естественно, военный, а жену умыкнул из Одессы. Обе семьи — традиционные, многодетные. Брак моих родителей не одобрили. Мамин отец был недоволен революционными увлечениями папы, а папина мама удивилась отсутствию приданого, недооценив диплом свободного художника Петроградской консерватории.

Родители мамы умерли от сыпного тифа в 1919 г., папин отец — тоже. Обещавшей бабушке, которая незадолго до первой мировой войны переехала с младшими детьми в Москву, а умерла в 1943 г., придется еще вспомнить. Нрава она была сурового, но меня — первую внучку — любила и в трудных обстоятельствах выручала.

С. С.: А кто занимался Вашим воспитанием?

Прежде чем меня воспитывать, надо было позаботиться, чтобы я выжила. Родилась я в неотапливаемой больнице, мама долго серьезно болела. Первые мои воспоминания приходятся на начальный период НЭПа. Счастливое детство продолжалось с 1922 г. до 1930 г. Но сначала я хотела бы остановиться на судьбе отца, так как ею определялись как радостные, так и трагические страницы моей жизни. Не возражаете?

С. С.: Расскажите всё, что Вы считаете нужным.

В 1906 г. после окончания реального училища в станице Усть-Медведицкой папа поступил на экономический факультет Петербургского политехнического института и примкнул к студенческой фракции эсеров. Кратковременные аресты ему прощали, однако в 1910 г. после высылки в Вологодскую губернию — исключили. Дед выхлопотал ему замену:

Никольск на Париж (аналогично поступили родители И. Эренбурга («Люди. Годы. Жизнь»)). Полагаю, что, покрутившись там в большевистско-меньшевистско-эсеровских тусовках, он разочаровался в политике и решил заняться делом. По возвращении на родину он работал у частных предпринимателей, после революции — в Московском народном банке, кооперативных организациях, читал лекции, печатался в экономической периодике. С эсерами порвал. В июле 1923 г. его пригласили в Госбанк на должность помощника заведующего Финансово-Экономическим Бюро (ФЭБ). На служебном удостоверении 1927 г. он фигурирует уже в качестве заведующего ФЭБ, а в графе «служебные обязанности» сказано: «Руководство работой Финансово-Экономического Бюро и разработка наиболее сложных и ответственных вопросов кредитной и денежной политики». В то время его называли — «спец», подавали машину. Работал он бешено по 14–15 часов в сутки, иногда и ночами. «Дробя стаканы, свернув поднос, он мчится рьяно...» — так начинался посвященный ему банковской поэтессой мадригал. В 1929 г. увольнение по результатам чистки, восстановление в качестве консультанта, а 16 августа 1930 г. — арест.

С. С.: Это и был конец счастливого детства? Но получается, что за отсутствием времени отец в воспитании не участвовал?

Не совсем так! Воскресные дни, отпуск... Внимание, любовь, нежность — все это было. Приобретение прекрасных картин, художественных изданий. Но первую скрипку в воспитании играла мама. Она настояла, чтобы я еще до школы начала заниматься Законом Божиим, французским языком, танцами с частными педагогами. В начале 20-х гг. мама преподавала в частной музыкальной школе Шора. Когда она закрылась, работу найти было трудно. Если муж работал, жену на бирже труда на учет не ставили. Знакомств среди московских музыкантов не было. Реализоваться ей как исполнительнице не удалось. В 1929 г. мама окончила Государственные курсы ритма у Е. С. Соболевой — ученицы Айседоры Дункан. Она аккомпанировала на наших уроках танцев бале-

*Счастливое детство. Москва, 1928 г.
Фото А. И. Лежнева*

рине Н. Н. Кисовой. (Группа из 4–5 девочек занималась в нашей комнате.) Мы жили в двух больших комнатах перенаселенного деревянного дома (числился как кв. 5 по Арбату, 57). На пять семей была одна раковина, один туалет, печное отопление. Считалось, что это очень хорошие жилищные условия. Дом наш стоял в ряду других, расположенных по периметру большого церковного двора, причем каждый имел свой садик. У нас было 9 яблонь, малина, смородина. Все съедалось задолго до созревания. А на «большом дворе» было раздолье, зимой заливался каток, но и на лыжах было где покататься. Там теперь стоит здание Министерства иностранных дел. Со смешанным чувством я смотрю на него из окна своей квартиры.

В 1926 г. я поступила в 9-ю школу (Староконюшенский, 18 — бывшая Медведниковская гимназия). Учение прерывалось бесконечным тестированием педологами. Главное обретение в школе — дружба с

Ирочкой Блюменфельд (ныне художницей И. А. Евстафьевой), сохранившаяся в дальнейшем вопреки разлуке и разным устремлениям.

С. С.: Расскажите, пожалуйста, как Вы в детстве проводили лето?

Слабо помню Барвиху, Пушкино, первое путешествие к морю в Евпаторию сразу после окончания гражданской войны. Мама ездила в Саки на грязевые процедуры, оставляя меня под слабым присмотром квартирной хозяйки. Мне было очень страшно. Помню, как лазила по развалинам, заросшим травой. Затем ездили по Волге, заезжали в Сочи, где меня во время приезда чуть не смыл «девятый вал». В 6 и 9 лет я гостила с мамой у родственников в Усть-Медведицкой. Помню прекрасный Дон, купание, изумительно прозрачную воду. Воображаю, какая она сейчас! Потом был Судак и Бэа (между Геленджиком и Архипо-Осиповкой) — тогда еще существовали частные пансионы. В Бэе мы познакомились с физиком Т. П. Кравцом и его супругой. Тревожное лето 1929 г. проводили на даче у старшей тети в Баковке, 1930 г. — в Очакове. Обычно мы уезжали на все лето, а папа приезжал ненадолго. Так было и в 1930 г. перед его арестом.

С. С.: Вы при этом присутствовали?

Нет. Мы приехали в конце августа. Нас встретила слишком рационально мыслящая младшая тетя: она не сообщила нам в Очаков. Мы бы сразу примчались. Обе комнаты были опечатаны. Открыли, перетащили кровати, одежду, учебники в столовую. Через несколько дней я заболела гриппом с тремя тяжелейшими осложнениями. В школу пошла только в феврале. Хождения родственников по тюрьмам и инстанциям описаны многократно. Квинтэссенция в «Реквиеме» Анны Ахматовой. С помощью Е. П. Пешковой маме удалось из перечня описанных вещей вычеркнуть рояль как профессиональное «средство производства».

Весной 1931 г. в соответствии с папиным приговором (расстрел с заменой 10 годами лагеря, с конфискацией имущества и высылкой семьи) нам предложили быстро выехать из Москвы на «минус 6», т. е. кроме 6 городов и их окрестностей в пределах 100 км.

В. П.: Каких городов?

Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска (?), Свердловска (?) — не помню. Ясно, что мы не хотели отрываться от Москвы. Стали искать знакомых, имеющих друзей или родственников вокруг столицы. Получили два рекомендательных письма во Владимир — к С. В. Владимирову и высланной туда за дворянское происхождение О. П. Булыгиной. С ее помощью проблема жилья была в первом приближении решена (темная непроветриваемая комната, там же готовка на керосинке, но в мезонине замечательная семья Пазухиных). На работу маму устроил С. В. Владимиров — воспитательницей в детский костно-туберкулезный санаторий. Уже третье поколение Сыромятниковых — Толль — Владимировых — Тюленевых с полной самоотдачей лечит детей, не обращая внимания на социальный и финансовый статус родителей.

Наша высылка во Владимир была самая легкая — маме не надо было ежедневно отмечаться. А я говорила в школе, что мы переехали во Владимир, потому что родители развелись. И тут происходит Настоящее Чудо. Через два месяца по прибытии в Соловки папе разрешают ЛИЧНОЕ СВИДАНИЕ. Это невиданно. Какие силы ума, воли, обаяния должны были быть мобилизованы, чтобы этого добиться? Во всяком случае одной оценки его как нужного им специалиста было совершенно недостаточно. Но, видимо, мнения у начальства разошлись, и мы дней десять ходили в Кеми в комендатуру, а пропуска на остров все не было. Денег осталось только на обратные билеты. Чудо произошло в день праздника Успения Богородицы 28 августа. Помню, папа прыгал, как ребенок, увидев нас на палубе. Он добивался свидания не только для того, чтобы с нами повидаться. Ему было важно, чтобы мы знали, как от него добились «признания». Его мучило, что он не выдержал. Сначала его готовили к публичному процессу «Союзного бюро меньшевиков». Он вписывался в сценарий: сестра с мужем-меньшевиком уехала в Германию и окончила там медицинский институт. Но после всем известных способов воздействия в Москве и Суздале папа пришел в такое физическое и нервное со-

*Личное свидание: Елизавета Петровна, Александр Иванович и Оля.
Соловки, сентябрь 1931 г. Фото заключенного Коморского*

стояние, что его нельзя было выпустить на открытый процесс. Решили его осудить по менее громкому «банковскому делу». Все обстоятельства он рассказывал в моем присутствии. Куда было меня девать? Таким образом в 13 лет я была в курсе методов подготовки процессов и соответственно воспринимала последующие.

С. С.: Ольга Александровна, а как складывалась Ваша дальнейшая жизнь во Владимире? Вы учились в школе?

Да, но школа, где я училась в 6-м и 7-м классах, не блистала ни учителями, ни ребятами. С девочками я контакт установила, но мальчики угнетали и преследовали. Восьмой класс закончила в центре горо-

Семья Лежневых. Соловки, 1931 г.

да, в хорошей школе. Особенно с теплым чувством вспоминаю учительницу литературы, умную и тактичную Е. П. Жарову.

В то время я очень много читала, только успевала бегать в клуб им. Молотова, где была прекрасная библиотека, кажется, бывшего Дворянского собрания. Училась в музыкальной школе, куда маму сначала приняли преподавать ритмику, которую только что ввели в программу, а потом дали и класс фортепиано. Музыкальные уроки я делала у соседей. С жильем тоже стало неплохо. Как-то мама в церкви расплакалась, и добрая женщина, узнав, в каких мы живем условиях, сдала нам маленькую светлую комнатку, стави-

ла в русскую печь мамину кастрюльку, когда готовила свой обед. Мелочь? Нет. Настроение стало другое.

В. П.: А как Вы в этот период проводили лето? О курортах пришлось забыть?

Мы стали ездить не на юг, а на север, в Кемь, куда папу перевели из Соловков. Именно там было Управление Соловецких лагерей, где он работал по специальности. Мы снимали комнатку. Папе давали два обеда (усиленное питание). На троих маловато. Вообще-то голодно было. Не случайно по сей день сохранилось горестное воспоминание о том, как я

В Алушке. Май 1937 г. Фото А. И. Лежнева

уронила судки, и весь суп вылился. В Кеми мы познакомились с актрисой Е. Д. Турчаниновой. Когда я из Владимира приехала в Москву на зимние каникулы, меня пускали в Малый театр через артистический вход. Помню «Разбойники», «Коварство и любовь», что-то из Островского.

Хотя во Владимире все неплохо наладилось, мы оттуда уехали. Папа очень хотел попасть на строительство Беломоро-Балтийского канала, но его не пустили. А когда канал построили, там возник такой комплекс — Белбалткомбинат (ББК). На значительной площади были организованы разнообразные производства. Центр был в Медвежьей горе, — это позже.

Девятый класс я закончила там. Начальник ББК Я. Д. Рапопорт пошел папе навстречу и выделил в бараке для вольно-

наемных своеобразную двухкомнатную квартиру (ничего, кроме самих комнат, но те же два обеда на троих и воду приносил дневальный). Мама перевезла туда сохранившийся у родственников рояль, но зарабатывать не удалось ни уроками, ни в театре ББК. Несмотря на страшную нищету, я чувствовала себя психологически комфортно: ничего не надо было скрывать. Училась в железнодорожной школе. Встретила там одноклассника по московской школе Лазаря Гинденбурга. Большая часть учеников жила в интернате. Это была одна компания. А дети заключенных и вольнонаемных сотрудников ББК — другая. Жили мирно. Отношение к нам директора школы было хорошее: ББК существенно помогал школе. В конце учебного года я с удивлением услыша-

ла из уст этого директора, что фундамент социализма у нас уже построен.

С. С.: Ольга Александровна, а как дальше складывалась Ваша жизнь?

К лету 1935 г. папа отбыл половину срока, и Рапопорт представил его к досрочному освобождению. Он решил взять его с собой на Волгострой, восстановил нам московскую прописку. Но площадь, естественно, никто давать не собирался. Снимали комнаты. У меня одиннадцать адресов в Москве, где я была прописана, а где фактически жила — еще больше. Мама стала работать в музыкальной школе, а я вернулась в свою школу в Староконюшенном, но не в свой класс. Чрезвычайно бдительная биологиня Е. Н. Жудро, знавшая, почему я исчезла из Москвы, взяла меня в класс, где была классным руководителем. Я чувствовала себя скованно, особенно после того, как дала по физиологии мальчишке, сидевшему позади и непрерывно дергавшему меня за косу. Жудро истолковала это как идеологическую диверсию: он был комсомольцем! Литератор попрекал за отсутствие классового подхода к «Гамлету». А тут еще пришлось участвовать в единоголосном голосовании за расстрел жертв по очередному делу «врагов народа». Тяжко было после медвежьегогорской вольницы, как это ни парадоксально. Утешалась я на уроках математики: А. И. Фетисов был изумительный человек и педагог. Позднее он работал в Академии педагогических наук.

Меня могла ожидать совсем другая судьба, если бы папа в момент, когда мне надо было поступать в университет, не был на свободе. Не видать бы мне высшего образования, окончи я школу двумя годами раньше или позже.

В. П.: Как Вы решили, куда поступать после школы?

Я подала заявление на физфак, но был такой наплыв, что все места заняли отличники. Мне предложили выбрать другой факультет, я подала на географический. Потом были сложные хлопоты по переводу на физфак. Требовалось согласие двух деканов и ректора. Канитель длилась долго. Я стала температурить. По совету опытного врача взяла академический отпуск и уехала в Алупку в санаторий.

В. П.: Значит, вначале хотели поступать на физфак, но был большой конкурс?

Получился конкурс аттестатов. Это потом уже отличникам установили какую-то квоту. А это был всего второй выпуск десятилетки. Я перевелась на физфак, и там все было нормально.

В. П.: В каком году Вы поступили?

В 1936 г. — на геофак, а с 1937 г. я была на физфаке. Почему я поступила именно туда? Потому что я понимала, что моя склонность к гуманитарным наукам несовместима с беспартийностью. Я преуспевала по математике, но считала, что она для меня слишком абстрактна, и подала на физфак.

В. П.: Особой тяги в школьное время к физике не было?

Не было, нет. Был только большой интерес к проблеме овладения ядерными силами после открытия Дж. Чадвика, создания модели ядра Д. Д. Иваненко, резонанса, вызванного организованной по его инициативе конференции с участием европейских знаменитостей. Это и вызвало небывалый конкурс на физфак.

С. С.: События 30-х гг., связанные с трагическими страницами жизни Вашего отца, оттеснили воспоминания детства... Но тем не менее какие-нибудь особенности быта, кроме того, что коммуналка, что Вы жили сравнительно хорошо по тем временам, но совсем неважно по нынешним... Кто принимал участие в Вашем воспитании, образовании? Кто больше оказывал влияние?

Родители меня любили, хотели мне добра, но у них были на воспитание разные точки зрения. И хотя мама была скромный, мягкий и интеллигентный человек, но относительно религиозного воспитания она настояла на своем.

С. С.: А где Вы изучали Закон Божий? Это домашняя группа?

Домашняя группа из четырех человек, из них двое — брат с сестрой. Приходил священник. Но это продолжалось недолго, не более двух лет один раз в неделю.

В. П.: А закваска у Вас осталась?

Конечно, за что мамея очень благодарна.

С. С.: А друзья у Вас в детстве были?

Ой, ну еще бы!

С. С.: Везде, где бы Вы ни жили?

Да! Правда, во Владимире было немного хуже. Я очень рано поняла, что молчание — золото. Но этого мало, понимаете, надо было еще что-то и придумывать, не соответствующее действительности.

В. П.: Приходилось врать?

Да! Но существует ложь во спасение. В данном случае от дискриминации. Разумеется, я не собиралась обманывать органы Госбезопасности. Там все обо мне известно. Но в университете, институте я и так была человеком «второго сорта» как беспартийная. Зачем было переходить в разряд «третьего сорта»? Естественно, это неприятно, но во Владимире, в школе, не было близких друзей, с которыми я потом продолжала бы дружбу. Но была соседка — моя ровесница, прикованная к постели из-за костного туберкулеза позвоночника. Она недавно умерла. С ней связь продолжалась. А вот в Медвежьей горе были близкие школьные подруги. С двумя встречались и позже, но редко. Они жили в других городах.

Когда я была на I-м курсе физфака, снова начался большой террор, и папа «автоматически» стал его жертвой.

В. П.: Это, наверное, было в 1937 г.?

Да, в 1937-м. Сначала из Волгостроя его перевели в Усть-Вымьский лагерь начальником планового отдела, вольнонаемным. Он приехал в Москву, чтобы сдать в ГУЛАГ финансовый отчет и план на 1938 г. Вначале, недели три, он работал там. Папа приехал в ГУЛАГ по их вызову, они прекрасно знали, что никакой он не вредитель. Тем не менее в Москве официально ему нельзя было жить. Он ездил прописываться в Егорьевск, а ночевал в Москве с риском для хозяев квартиры. Ну а потом, 14 января 1938 года, когда работа была закончена, его не выпустили из ГУЛАГа. Следствие велось на Волгострое, я туда ездила.

В. П.: Волгострой, это где?

Это недалеко от Рыбинска, поселок Переборы. Официальное название: «Строительство гидротехнических узлов на реке Волге Рыбинск — Углич».

С. С.: На этих стройках Ваш отец работал по своей специальности?

На Волгострое он уже был начальником контрольно-планового отдела, затем начальником инспекции. Там, между прочим, главным инженером был К. А. Вержбицкий, который строил еще Беломоро-Балтийский канал. Там же был Лазарь Гинденбург — мой дважды одноклассник. Его отца тоже забрали, но он был родственник Рапопорта. Следствие затянули до снятия Ежова, и его освободили. Но счастья не получилось. Лазарь окончил в 1941 г. мединститут, был отправлен на фронт, и эшелон разбомбили. Так что вот у меня папа погиб, а у них сын погиб. А вскоре и отец умер. Я разыскала его маму. Ничего, кроме двух огромных портретов сына и мужа, у нее в жизни не осталось.

В. П.: Я не понял, как погиб Ваш отец?

Его расстреляли по постановлению Военной коллегии Верховного суда. Как мне сказали, в тот же день, когда вынесли приговор, — 20 сентября 1938 г.

С. С.: В Москве?

В Москве.

С. С.: И Вы тогда знали об этом?

Нет, конечно, обманывали. Много я ходила тогда по судам и прокуратурам. В Военной прокуратуре мне сказали: «десять лет без права переписки». Это была стандартная формулировка. В дальнейшем, когда я подала заявление о реабилитации папы, оказалось, что по первому делу 1930 г. его реабилитировали еще в 1963 г. А по второму, волгостроевскому, реабилитировали по моему заявлению. А вот где он похоронен, неизвестно. Я всячески узнавала, где он зарыт... В каком рву... Но, увы...

Это был период, когда я училась.

С. С.: Ольга Александровна, а Ваш отец никакой партийной деятельностью не занимался?

Абсолютно нет. Он разочаровался в политике. Как человек темпераментный, увлекающийся, он всегда работал с полной самоотдачей. Поэтому его и Рапорт так ценил. Он был увлечен строительством Рыбинского моря. Он считал, что участвует в очень важном деле.

В. П.: Я думаю, Вы об этом редко рассказываете?

Только одному Симону Семеновичу рассказала. Он меня «рассекретил».

С. С.: И далеко не с первой попытки, насколько лет...

В. П.: Я впервые слышу об этом.

Ну, конечно.

В. П.: Я думаю, в секторе тоже мало кто знает.

Да никто не знает.

В. П.: А Л. С. Полаку Вы не рассказывали?

Нет, не рассказывала.

В. П.: Он сам прошел, как говорится, все это...

Я ведь встречалась с ним только в деловой обстановке...

С. С.: Вы боялись рассказывать или Вам не хотелось об этом говорить?

Походя таких тем не касаются...

С. С.: А какие-нибудь увлечения у Вас были?

В смысле науки?

С. С.: В науке, в искусстве, в музыке...

Музыка, театр. Но музыка — больше. Это уже в основном университетский период. Мы с лекций бегом бежали в консерваторию, чтобы не опоздать на концерт. Ходили стайкой, иногда прорывались, когда билетов не было. Тогда кумирами были Эмиль Гилельс и Роза Тамаркина, только что завоевавшие международные премии. Ну что, может быть, мы покончим с этой линией и перейдем к науке?

В. П.: У меня еще один вопрос. Когда Вы учились в университете, в комсомольской организации знали, что Ваш отец арестован?

У-у-у... Комсомольцы обязаны были заявлять, их так прорабатывали, что они отказывались от родителей публично, а я не была комсомолкой.

В. П.: Вы так никогда и не были комсомолкой?

Нет, никогда (смеется). Я никогда и пионеркой не была. В начальной школе меня в пионеры, может быть, и не приняли бы, потому что тогда только детей рабочих принимали, служащих — нет. Я и не стремилась, естественно. А в комсомоле не была. Это меня в какой-то мере и спасло.

В. П.: Еще один вопрос. Вы верили в социализм, несмотря на то что Ваш отец был репрессирован? Каково Ваше отношение к Сталину?

Я твердо была убеждена в том, что социализм будет построен, что это необратимо, я была абсолютно убеждена, понимаете?

В. П.: Вы все время верили в это?

Да, все время, до XX съезда, но всерьез перестала верить во время перестройки. Но чтоб я Сталина любила? Нет, этого никогда не было.

С. С.: А что происходило с отцом и окружающими, как это воспринималось: как случайность или как присущее?..

Нет, я же говорила, я в 13 лет все знала. Вот сестра моей подруги, лет на пять-шесть ее моложе, уже полностью была сталинисткой. Она и пионерка, и комсомолка, и вообще знать ничего не хотела. А их мама говорила, пусть она такой уж и будет, не надо в нее вносить разлад. Хотя у них отец погиб в лагере... Девочка считала, что с папой ошиблись, а так все правильно...

В. П.: А Ваша модель была какова? Вы же верили в социализм?

Я верила в его победу.

В. П.: Потому, что это неизбежно...

Неизбежно. Надо жить на Родине. Никогда у меня не было никаких претензий, что родители не эмигрировали, нет.

С. С.: А вот жизнь Ваших родителей и их родителей, она была еще благополучна в тот период?

В какой?

С. С.: В дореволюционный, досоветский?

Вроде благополучна, но вот почему папа полез в революцию, я не знаю... Реальное училище в станице Усть-Медведицкой... Где он набрался этих идей? [смеется] На фотокарточках того времени вид у него очень революционный. Кстати, он был одно время в Соль-Вычегодске одновременно со Сталиным. Бабушка с младшей дочкой навещали папу и были знакомы со Сталиным.

С. С.: А что делал там Ваш отец?

Ссылный был. По словам бабушки, Сталин мало общался с другими ссылными, очень много читал, а тетя (она была подростком) вспоминала, что как-то Сталин пошел на общую прогулку и отгонял от нее шмелей.

С. С.: Галантный был.

Галантный. Ну и надо сказать, что в 1938 г. в случае жестокого приговора папа просил бабушку написать Сталину. У меня с папой было свидание на Волгострое, после того как в результате шести суток конвейерного допроса без сна он подписал все, что требовали. Я сообщила бабушке и думала, что она напишет Сталину. Но меня встретил совершенно пьяный дядя и стал кричать: «Ты дочь, ты и хлопочи, оставь нас в покое...»

В. П.: Ольга Александровна, еще один вопрос. Вот Вы из казаков?

Да, наполовину.

В. П.: Вы чувствуете какое-то казачье родство? У меня знакомый есть, он из казаков, — он-таки казак. Вступил в казачье общество в Москве. Конечно, и на лошади-то, по-моему, не умеет ездить. [Лежнева смеется] Но все-таки, в нем что-то есть, понимаете? Он очень серьезно историю казачества изучал, хотя он инженер, давно работает в Москве, только детство провел в станице.

У меня о Доне тоже только детские воспоминания. Ну какая же я казачка? Трусиха! [смеется] Я пару книжек купила о казаках, в «Литературке» были давно еще статьи об их кавказском происхождении. Но изучать? Нет. Столько задуманного по истории физики не осуществлено.

С. С.: Вы мне как-то рассказывали о встрече с Т. П. Кравцом. Значит, у Вас встреча с физикой произошла еще до университета?

Первое знакомство состоялось, когда мне было 10 лет, и я вряд ли отдавала себе отчет, что он физик. А вторая — когда я была в университете в аспирантуре по истории физики — на большом совещании по истории естествознания в Москве. Я напомнила о Бэте и задала модный по тем временам вопрос, считает ли он, что надо заниматься не только развитием физики как таковой, но и в социальном, мировоззренческом плане. Он посмотрел на меня удивленно и неодобрительно. Но потом, когда я уже работала в Институте и хотела пойти в докторантуру, он согласился быть моим консультантом. Для меня был большой удар, когда в мае 1955 г. он умер. Перед этим его жестко критиковали за «неактуальную» тематику — публикацию архивных документов по ранней истории фотографии — переписки Даггера и Ньепса.

В. П.: Ольга Александровна, я хочу попросить Вас вернуться назад. До войны вы закончили четыре курса физфака. Какие преподаватели произвели на вас особое впечатление?

С. Э. Хайкин, М. А. Леонтович, В. И. Арнольд, А. П. Норден, Л. Э. Эльсгольц, Н. Д. Моисеев, А. Н. Тихонов.

В. П.: Хайкин механику читал?

Да, естественно, на 1-м курсе, а Леонтович — статистическую физику на 4-м, кажется.

В. П.: А какие-нибудь интересные детали Вы можете вспомнить? Потому что в каком-то смысле это были героические времена относительно ядерной физики.

Сильное впечатление произвел мудрый Л. И. Мандельштам. Это был, види-

мо, его последний семинар. Помню, что он говорил о фазовой и волновой скоростях. О его смерти я узнала от Ю. Г. Захарова в ЦАГИ. Несмотря на все строгости, он отпустил меня на похороны. Я попала только на кладбище. Запомнилось выступление М. А. Леонтовича, горестные лица, страшный мороз... Потрясением в Институте физических проблем был практикум на новейшей точной аппаратуре под руководством П. Г. Стрелкова и А. И. Шальникова. Ядерную физику я слушала на 5-м курсе в 1943 г. Читал Д. В. Скобельцын, очень хорошо.

В. П.: А склонности к истории физики Вы тогда не проявляли?

Нет. Кафедра истории физики была основана А. К. Тимирязевым как раз тогда, когда надо было выбирать специализацию. Два-три человека туда пошли, а остальные, и я в том числе, их просто не принимали.

С. С.: Эти люди остались в истории науки, не помните?

Очень серьезно взялась за изучение трудов П. Н. Лебедева Валя Рыбакова, по мужу Григорова. Будучи уже аспиранткой кафедры, она заказала копии дневников Лебедева и других его материалов в Ленинградском архиве АН, но они не дошли, хотя секретарша расписалась в получении. В результате Валя ушла из аспирантуры и стала редактором Физматгиза. Мне тоже чуть не устроили отчисление из аспирантуры... У меня не был выполнен аспирантский план по сдаче экзаменов. Их было шесть. Тимирязев сказал, что мне это угрожает, я побежала и сдала французский язык. Видимо, я и Валя были нежелательны партийно-комсомольскому активу.

В. П.: Хорошо, ну а теперь несколько слов о студенческих временах. Чем Вы занимались, увлекались, как шла студенческая жизнь накануне войны?

Я не знаю, как она шла в комсомольской организации... Я просто занималась. Во всяком случае, когда меня выбрали профоргом на втором курсе...

В. П.: Несмотря ни на что... Вас выбрали профоргом?

Да, они же ничего не знали, я же все скрывала про своего папу...

В. П.: И не комсомолка?

Да, не комсомолка, выбрали профоргом. И я сочинила от страха такой стих, так сказать, перефразировала: «Мне 20 лет, я дочь „врага народа“, спасенья нет, прощай, моя свобода». Мне страшно не хотелось, чтобы меня выбрали, я сопротивлялась. Но никто не хотел быть профоргом. А помните, как у Ростана? «Мне 20 лет, я сын Наполеона, мне нет преград, и ждет меня корона». [смеется] Так что я не была общественницей, ни в какой мере. Подруги у меня были, очень хорошие подруги. Вот Дина Шаревская, которая на год моложе меня училась в школе, но я же отстала, и мы с ней уже оказались на одном курсе. Наташа Лаврова, Сусанна Ершанская, очень религиозная девочка была, православная...

В. П.: А Вы не были в это время религиозным человеком?

Почему? Какой-то фанатичкой я не была.

В. П.: И в церковь ходили?

Ходила.

В. П. (с удивлением): Ходили в церковь?

Да. Ну я ходила не систематично, но на большие праздники старалась пойти.

В. П.: Значит, та закваска, которая была в детстве, жива?

Закваска, если хотите, жива. [смеется]

В. П.: Потому что в те времена, уж во всяком случае в мои школьные годы, это считалось дикостью.

Вы позже росли, тогда уже было редким религиозное воспитание. Дикость, дикость, да... Ну вот поэтому я все это и скрывала, чтобы не перевоспитывали... Мне не хочется говорить, поскольку вы неверующий человек. А сколько раз молитвы помогали, реально помогали, понимаете? Любой неверующий человек скажет, что это случайное совпадение. Поэтому я здесь не буду об этом рассказывать.

В. П.: Вы верующий человек?

Да, верующий.

В. П.: Всю жизнь?

Всю жизнь.

В. П.: Ольга Александровна, вот началась война. И что с учебой?

Ой, это страшно. Я уехала к маме, чтобы вместе переживать войну. Она была во Владимире, потому что ее лишили московской прописки. Папу расстреляли в 1938 г. А в 1939 г. мне нужно было продлевать временную прописку у бабушки, но в районном отделении милиции мне отказали. Когда мы пошли хлопотать, то начальник милиции г. Москвы сначала сказал, что правильно отказали (нет санитарной нормы), но после указания прокурора, быстро связавшись с НКВД (у меня паспорт был получен в Медвежьей горе, и он моментально сориентировался), заявил: «Мы вам дадим возможность закончить образование, будете жить в общежитии». А маме сказал: «Чтобы вас в двухдневный срок в Москве не было». И она опять уехала во Владимир...

С. С.: Вы решили бросить учебу?

Нет, учебу бросать я не собиралась. Университет эвакуировался в Ашхабад. В августе дали нашему курсу досрочный выпуск. Мне послали письмо, но оно во Владимир шло месяц, и я опоздала сдавать эти экзамены.

В. П.: За четвертый курс экзамены?

С четырьмя курсами давали диплом.

В. П.: И Вы получили диплом?

Нет, я не получила, потому что меня не было в Москве.

В. П.: Но могли дать, если бы были в Москве...

Да, надо было сдавать экзамены. А в 1943/44 учебном году я закончила пятый курс, т.е. прошла полный курс обучения и получила диплом.

В. П.: Понятно, т.е. был перерыв в военные годы. Вы жили во Владимире?

Я жила во Владимире, два года работала в Ветбаклаборатории вначале

химиком-лаборанткой. Потом моего начальника забрали в армию, и я осталась единственным химиком, осваивала эту специальность. В основном, что надо было? Надо было анализы делать на отравление, когда падеж скота, поросят... Внутренности их исследовать на отравляющие вещества. Потом очень много было анализов фуража, который приходил с Запада. Это опять было тяжелое голодное время, ну что там говорить, тогда все голодали. Все было ужасно: плохие сводки с фронта, тяжелая физическая работа, заготовка дров, перевозка на хромо́й лошади из леса, сенокос на болоте — все было. Но это уже не были репрессии.

В. П.: Где-то, кому-то легче было?

Хорошо было тогда в торговой сети. Вот кто тогда разбогател.

В. П.: В торговой сети и сейчас, наверное, хорошо [все смеются]. Вы вернулись в 1943 г. в Москву?

Да.

В. П.: С мамой?

Нет, я присехала учиться. Меня прописали в общежитии МГУ на Лиственничной аллее, а жила я у бабушки; сдавала квантовую механику, теорию относительности и другие экзамены и делала у В. Н. Кессениха дипломную работу.

В. П.: И что вы скажете о Кессенихе-старшем? У нас теперь младший работает.

Я могу рассказать одну историю, если Вас интересует. Не знаю, стоит ли на это тратить время. Кессених сказал, кто пойдет к нему на дипломную работу, все останутся в Москве. Трое поверили.

В. П.: Он занимался радиофизикой?

Распространением радиоволн.

В. П.: Он в военной форме ходил?

Да.

В. П.: Полковник?

Не знаю. Мы какое-то время читали литературу, ориентировались в тематике, а потом он говорит: «Вы будете работать на станции, все надо засекретить».

В. П.: На радиостанции?

Он не уточнял на какой. В общем, экспериментально будете работать в секретном заведении.

С. С.: А Вам нельзя, да?

Я вынуждена была ему сказать, так как я не могла при засекречивании скрывать. Кстати, у второй студентки было то же самое. И он потерял к нам интерес, дал нам расчетные темы, и мы защитили дипломные работы. А потом он очень плохо себя повел по отношению ко мне и чуть не сорвал мне защиту.

В. П.: Защиту диплома?

Нет, диссертации. Дипломную работу он у меня принял, а на защите диссертации на меня напал, сказав, что работа у него не вызывает сомнений, вроде хорошая, но Лежнева политически не созрела, чтобы быть кандидатом наук.

В. П.: Это какой был год?

16 ноября 1949 года.

В. П.: Кессених в это время был деканом факультета?

Нет, деканом был уже А. А. Соколов, но он был еще очень влиятельным человеком. А вот на основании чего он пришел к выводу, что я политически неполноценна: он задал вопрос, как я понимаю партийность в науке, а я ответила, что законы Ленца и Джоуля — это одно и то же.

В. П.: Т. е. Вы партийность в науке как бы фактически не признавали?

В автореферате у меня была сделана оговорка, что в различных странах физика по-разному развивается. Конечно, если бы он не знал мои обстоятельства, он бы не стал на меня нападать. Так что у меня о нем мрачные воспоминания.

В. П.: Ольга Александровна, тогда еще чуть-чуть вернемся назад. Вы сдаете госэкзамены, заканчиваете университет. Когда Вы заинтересовались историей физики? Как это произошло?

Чуть позже. Сначала нужно было сдать экзамены и получить диплом, а самое главное — распределение! Тут меня

две однокурсницы спасли. Зоя Мицкевич сказала, что в ЦАГИ нужен физик. Я поехала туда и понравилась им. Сказали, что меня возьмут, но нужна московская прописка. А в общежитии прописка кончилась. Моя подруга, Дина Шаревская, жила в коммуналке и уговорила свою соседку, чтобы на время своего отпуска она сдала мне свою комнату. Я прописалась на месяц, меня приняли в ЦАГИ и поселили с одной девушкой в бараке на Самокатной улице, в комнате эвакуированных. Вот так. А потом в ЦАГИ мне дали общежитие.

В. П.: Это какой был год?

Это 1944 год, в ЦАГИ я проработала год — в 1944–1945 гг. Но я все это время волновалась из-за возможности засекречивания. Поэтому когда я узнала, что в университете на кафедре истории физики есть вакансии в аспирантуру, я немедленно подала туда заявление. В ЦАГИ все меня отговаривали, что это не наука и т.д. У меня там были хорошие начальники: К. К. Федяевский, Ю. Г. Захаров — интересный человек, с большим юмором.

В. П.: Значит, история физики Вас не очень-то влекла. Вы просто решили уйти из секретной организации.

Да, но, с другой стороны, я же изначально гуманитарий, и тут я уже не колебалась.

В. П.: Подумали, что это интересно?

В том, что интересно, я не сомневалась. Меня смущала не история физики, меня смущал немножко А. К. Тимирязев как таковой.

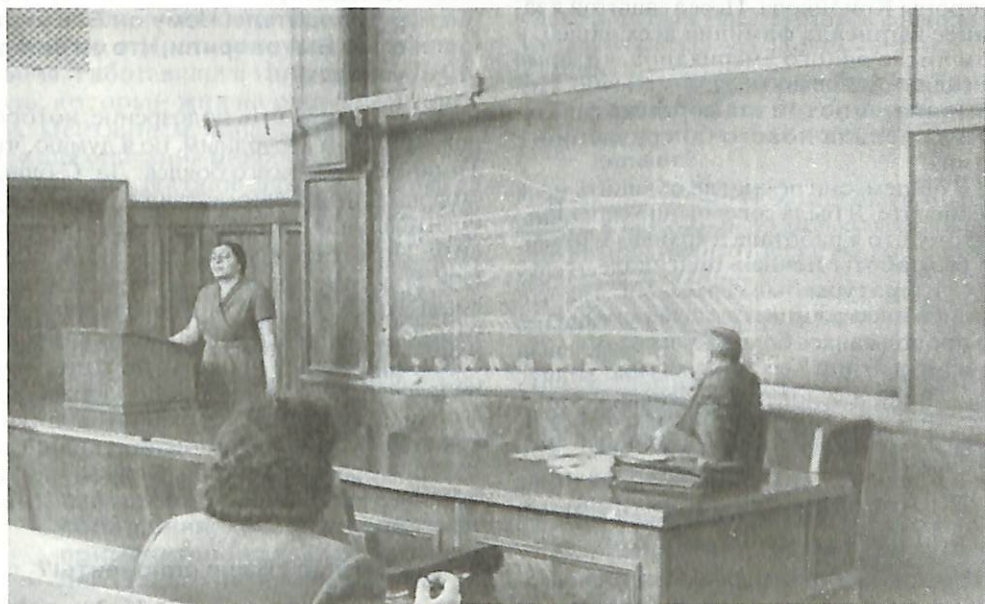
В. П.: Вы о нем кое-что знали, да?

Ну, понимаете, у него была очень плохая репутация — ретроград, не признавал теорию относительности. Но ко мне он прекрасно относился. И З. А. Цейтлин тоже хорошо относился.

В. П.: Кем Цейтлин был на факультете?

Цейтлин был профессор кафедры истории физики.

В. П.: Второй человек после Тимирязева?

Выступление О. А. Лежневой на научной конференции. Середина 60-х гг.

У Тимирязева работал еще Н. П. Кастерин. Кафедра занимала две комнаты. В большой стояла громадная машина для опытов Кастерина, а в маленькой работали его помощники — супруги Четвериковы. Во время заседаний еле-еле помещался десяток людей, теснота была. В это время Тимирязев был в полном загоне, он сам нуждался в защите. Кроме «идеалистов» у Тимирязева были враги и слева — в партбюро и местное физфака. Не стоит конкретизировать, не имея на руках документальных доказательств. Но бесспорные факты — выживание с кафедры З. А. Цейтлина, В. А. Григоровой и моей особы. Для меня это оказалось к лучшему, но двух историков физики наша наука потеряла. Возможно, уже тогда хотели посадить на кафедру Б. И. Спасского.

В. П.: Это еще до 1949 года?

1945–1949 годы.

В. П.: Вы ушли из ЦАГИ и поступили в аспирантуру. Экзамены какие-то сдавали? Как сейчас?

Сдавала.

В. П.: И кто принимал, сам Тимирязев или комиссия? Это был формальный экзамен или достаточно серьезный?

Кто принимал, не помню. Наверное, Цейтлин с Тимирязевым.

В. П.: Как произошел выбор темы? Вы поступили, и сразу было ясно, что Вы у Тимирязева? Или нет?

Нет, нет, сходу я не могла идти к Тимирязеву. Надо было определить тему. Я делала дипломную работу по электромагнитным волнам. Мне нужно было на это опереться, и Цейтлин предложил тему «История электродинамики дальнего действия». Я начала работать, собрала много материала. А потом поворот: «Россия — родина слонов», и эта тема уже не актуальна... И тогда выбрали Ленца, тоже из истории электричества. Но уже была одна попытка довоенной диссертации Нихамкина, но он не вернулся с войны. В XIX в. о Ленце были работы А. С. Савельева и В. К. Лебединского. Очень обстоятельной была работа Лебединского. Когда прочитала работу Нихамкина, то увиде-

ла, что он в основном опирался на эти две работы. На защите я ожидала каверз со стороны Кононкова. Перед защитой я заранее выписала фамилии всех людей, в том числе одного американца, которые писали о Ленце до меня, и, конечно, Нихамкина. А потом стала рассказывать, что я сделала нового по сравнению с ними.

В общем, они не смогли обвинить меня в плагиате. Я была совершенно спокойна, потому что я работала в архивах и изучила все работы Ленца в оригинале, и список литературы был серьезный. Так что защита диссертации прошла нормально, но продолжалась более 4-х часов. Ученый совет дал отпор Кессениху. В мою защиту выступили 8 человек. Голосование: 24 — «за», 4 — «против», 1 бюллетень недействителен.

В. П.: Аспирантские занятия были тогда?

Ну как же, Трахтенберг читал философию (диамат). Экзаменов было побольше, чем сейчас. Два по физике: это были доклады по квантовой электродинамике и нелинейной электродинамике и дополнительные вопросы.

В. П.: Специально даже по нелинейной электродинамике?

Да, да. Я изучала теорию Борна—Инфельда. Так что было два экзамена по теоретической физике, два языка. Всего шесть экзаменов.

С. С.: Ольга Александровна, в эти годы кафедра писала и учебник по истории физики в России?

Писала не кафедра, а писал весь физфак. Это было при мне, но без моего участия. Редактировали Тимирязев и Цейтлин. Потом на Ученом совете потребовали оставить на титуле одного Тимирязева. Я там присутствовала. Тимирязев был чуть не в истерике. Его призвали к порядку по линии партийной дисциплины. Так что кафедра была объектом, а не субъектом борьбы с космополитизмом.

В. П.: На кафедре главные фигуры были Тимирязев и Цейтлин?

Да, главные и единственные по истории физики.

В. П.: Ольга Александровна, расскажите, пожалуйста, о своем научном руководителе. Чему он Вас учил, о чем Вы говорили, что он был за человек?

Знаете, у меня есть подозрение, которое покажется вам абсурдным, но я думаю, что Тимирязев тоже всего боялся. Да. С одной стороны, он, конечно, воевал с теорией относительности, отстаивал свой материализм. Но в то же время... Помню, в Большой физической аудитории на его юбилей, когда его все хвалили, он с совершенно безразличным видом сидел, а потом сказал: «Я очень благодарен райкому партии Краснопресненского района за поддержку», и все. Он был по стилю старый интеллигент, но от отца унаследовал воинствующий материализм, безоговорочный такой, но это было все до меня. При мне он был тише воды, ниже травы.

В. П.: А кто были Ваши оппоненты?

А. С. Предводителей и В. К. Аркадьев, два члена-корреспондента.

В. П.: Как проходила Ваша работа с научным руководителем? Я, например, припоминаю, как Полак меня учил. Раз в месяц я приходил к нему и рассказывал, что я сделал. Он долго слушал, иногда казалось, что он спит, а потом все-таки говорил, что надо, что не надо. И параллельно шел разговор. Мы с Полаком много всяких разговоров вели.

Такого не было. Тимирязев читал аспирантам курс по опытам Дейтона Миллера. Я ходила к М. В. Нечкиной, которая занималась этой же эпохой. Не помню где, но только я с ней встретила, и она мне сказала: «Вот Вигеля воспоминания, посмотрите, нет ли там о Ленце». В общем, я большой пользы от Нечкиной не получила. Так что я сама копалась в каталогах Ленинской и Университетской библиотек. А вот Цейтлин указал книги, которые позволили мне написать в диссертации раздел о философских взглядах Ленца.

В. П.: Известно, что Цейтлин тоже был довольно-таки большой механист.

Он был невероятно образованный человек. 12 языков знал. Но в то время был очень пожилой. Цейтлин сыграл косвенную, но очень важную роль в моем поступлении в Институт истории естествознания. Работавший в Институте С. Л. Соболев, который жил на одной лестнице с З. А. Цейтлиным, попросил его найти физика для описания микроскопов. Цейтлин обратился к Наташе Лавровой, которая тогда кончала 5-й курс на кафедре истории физики. Она отказалась. Но мне сказала: «А ты знаешь, Оля, что существует Институт истории естествознания? Ты попробуй туда пойти, может, они тебя возьмут». И, действительно, я пришла и очаровала директора, заместителя и учебного секретаря (смеется).

В. П.: Ольга Александровна, я еще хочу спросить о борьбе с космополитизмом в то время. Вот по поводу совещания, которое готовилось применительно к физике, Вы ничего такого не припоминаете?

Припоминаю, что Тимирязев очень сочувствовал В. Ф. Миткевичу, а потом пришел и сказал с грустью, что физики делают атомную бомбу и их нельзя трогать.

В. П.: Вы не помните, когда это было? В 1949 году? Когда произошла отмена этого совещания?

Во всяком случае Тимирязев узнал сразу же. Тимирязев с Миткевичем связь имел непрерывную, они соратники были в деле борьбы с идеализмом в физике. И Миткевич сказал: «Нельзя».

В. П.: Так Вы твердо помните, что Тимирязев сказал, что совещание не получится из-за того, что бомбу делают?

Ну, слово «бомба», может быть, он и не сказал, я не помню, но только ясно было, что физики решают важную государственную задачу.

В. П.: Но имелся в виду все-таки атомный проект?

По всей вероятности. В процессе подготовки совещания Тимирязев с энтузиазмом говорил, что все получится. Материализм восторжествует.

В. П.: Я как раз занимался этой историей, собирал всякие свидетельства. То, что вы сказали, очень важно. Мне хотелось бы перейти к Вашему научному и историко-научному творчеству.

Хорошо. Это новая тема. Давайте устроим небольшой перерыв, выпьем чайку, а потом продолжим.

(Окончание в следующем номере)

Беседу вели Вл. П. Визгин, С. С. Илизаров